

Евгений Замятин. Глаза

OCR": TecoGroup

-- Ты -- собака.

Шелудивый тулуп -- был, быть может, белый. На хвосте, в обвислых патлах, навек засели репы. Одно ухо-лопух вывернуто наизнанку, и нет сноровки даже наладить ухо.

У тебя нету слов: ты можешь только визжать, когда бьют; до хрипу брехать, когда велит хозяин; и выть по ночам на зеленый горький месяц.

Но глаза... зачем у тебя такие прекрасные глаза? Поднимаешь глаза вверх, глядишь глазами в самое мое нутряное нутро, мы говорим глазами в глаза, и я знаю: ты -- древняя, мудрая, мудрее нас. Быть может, ты некогда была человеком, и ты им будешь вновь. Но когда же ты будешь?

Седой хозяин держал тебя на цепи, в грязной конуре. Ты лакала помои из грязной черепушки. Ты грызла хозяйские оглодки. И ты ретиво стерегла хозяйское добро.

Помнишь: жаркий день, тарантас посеред двора, навалили ковры, самовары -- и уехали. Ты ждала. Разгуливала по двору красноухая клюшка, поглядывала одним глазом на коршуна вверх, собирала индюшат под крылья. Накрыла конуру тень от водовозки: тарантас все не возвращался. И помнишь: наутро ты вцепилась в красноухого индюшонка, схряпала мигом -- и только одни белые, обрызганные красным, перья у конуры.

И как потом плеткой-двухвосткой хлестал по глазам хозяин. Совсем близко была его налитая, в седых кустах, морда, но ты не вцепилась: ведь это был хозяин. И только из глаз точились тихие собачьи слезы, пролагали желтые желобки от углов глаз к носу.

А наутро -- помнишь? -- прижавши морду к земле и засунув хвост между ног, ты по грязи ползла хозяину навстречу, виляя задом, ты лизала хозяину руку. И когда милостиво потрепали по загривку -- ты радостно повалилась на спину -- прощена! -- ты щурилась и дрыгала ногами, ты звенела цепью и наружу вывалила весь свой срам.

От одной с собачьим месивом черепушки до другой -- ты меряла время. От жарыни желтел на дворе просвирник. Солнце -- огненный пес -- распялив красную пасть, пыхало пылом прямо в тебя. Не в силах скинуть шелудивую шубу -- ты задыхалась, у своей конуры лежала как мертвая, и только жил, ходил ходуном высунутый наружу язык.

Но пришел во двор -- ты помнишь? -- щуплый, прыщавый человеческий щенок. Ты забыла все, ты вздыбилась на дыбы -- душил ожерелок -- хрипела и бешено, с пеной лаяла: прыщавый был чужой, был хозяину недруг, хоть вместе с хозяином заглядывал он в курник, в выход, в каретный сарай.

Больше ты не видела седого хозяина: он непонятно исчез, как вечерами непонятно для тебя исчезало солнце за каретным сараем. Утром -- помнишь? -- тебе принес черепушку уже тот, прыщавый; в черепушке был кус тухлого мяса. С урчанием ты проглотила мясо и, волоча брюхо в пыли, по-червиному, ползла ему навстречу и лизала ему руки, -- тому самому, на кого вчера бешено брызгала пеной: ведь это он, прыщавый, он, великий, повелевал теперь черепушкой. И не все ли равно, кто тобой владеет? Была бы поганая черепушка полна.

Твой новый хозяин -- был затейщик. Вечера, -- ты помнишь? Пахло из закуты парным молоком, шуршали, примасивались на нашесте куры, а тебя дразнили огрызком сахара и кричали: служи! Как к небу -- к слюнявому огрызку сахара -- ты поднимала глаза, свом человечесьи глаза, и, звеня цепью, неуклюже плясала на задних лапах из-за слюнявого огрызка сахара. Ты помнишь вечера? На варке богомольно вздыхала корова, хруистела сладкой свекольной ботвой. А тебя для потехи спускали с цепи, травили тебя на кошку: ату ее! И, однажды, -- ты помнишь, ты никогда не забудешь: кошка увязла в щели под забором, раз! -- прыжок -- и ты, урча, уже мотала головой, рвала и вгрызалась в кошкино брюхо, а прыщавый гоготал, и кагакали в куримке возбужденные гуси, индюшки и куры. А потом усталая, у входа в конуру, ты звенела цепью и сосала слюнявый огрызок сахара. Но глаза были зажмурены, чтоб не видно было, что они похожи на человечесьи, и всю ночь ты вздыхала: о чем вздыхала?

От черепушки до черепушки ты меряла время. Твой собачий мир -- конуру, водовозку и каретный сарай -- накрыло серым, сырым веретьем -- осенним небом: ты мокла покорно. Вылезало солнце, в трех багровых студеных кругах -- багровое, как кровь загрызенной кошки: ты треской тряслась от стыди. Ты